

**ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНА О СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
МИРОВОГО РАЗВИТИЯ: ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ XX ВЕКА**

Аллергия на всякий окончательный и безапелляционный порядок, по счастью, универсальна.

Ж. Бодрийяр. Дух терроризма.

...Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду... Поистине, кто обладает малым, тот будет тем меньше обладаем.

Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

Ценность постмодернизма заключается в том, что он, отражая дух эпохи, убедительно описывает разлагающийся мир после холодной войны. Весь Достоевский, крохами с идейного стола которого (один полифонизм чего стоит!) питаются в том числе и постмодернисты, сводится к тезису, что не может быть «последнего слова» (конца истории и т. д.); в этом одно из главных условий и следствий свободы. События последних лет свидетельствуют в пользу того, что вслед за такими метанарративами, претендующими на «окончателность», как капитализм и социализм/коммунизм, рухнет последний — либерализм, который стараниями западных элит, прежде всего с помощью политкорректности, обрел черты тоталитарной идеологии со всеми ее атрибутами — подавлением свободы слова и инакомыслия.

Для всех стран, включая западные, на первый план вышли проблемы развития, которые не поддаются решению в прежней бинарной идеологической системе координат. Бинарность — прагматика власти и всегда тяготеет к тотальности (по Ницше). Поэтому в интересах элит выстраивать новые биполярности, будь то США–Китай или либерализм–авторитаризм. Как пишет И. С. Иванов, «надо отказаться от концепции западного

универсализма в пользу плюрализма развития»¹. Таким образом, открывается подлинное значение окончания холодной войны (в этом году исполнится 30 лет со дня падения Берлинской стены), а именно — освобождение международных отношений от идеологического детерминизма, который весь долгий XX век объективировал международных акторов в лице суверенных и независимых государств. Другими словами, торжествует знаменитая кошка Дэн Сяопина, окрас которой не имеет значения. Реакцией на кризис развития стали Трамп в США и Болсонару в Бразилии, долгое сколачивание старой коалиции в Германии и правительство Дж. Конте в Италии, но также муки Брексита и в целом пресловутый призрак популизма/Веймара на Западе.

На смену биполярной конфронтации и преходящему «однополярному моменту» приходит многоукладная геополитическая реальность, которая своей сложностью обеспечивает демократизацию международных отношений, так что в них создаются условия для всякого рода плюрализма. Это и остаточная биполярность прошлой эпохи, и иерархические вертикали Западного альянса (НАТО и Группа семи), и многополярность (ООН, Группа двадцати, БРИКС), и различные конструкции региональных порядков, глобальные и трансрегиональные ситуативные альянсы (например, Совместный всеобъемлющий план действий по ядерной программе Ирана) и многое другое. Ревнителю статус-кво запугивают хаосом, как это делали в свое время в отношении демократии вообще. Но послевоенный правовой миропорядок с центральной ролью ООН и ее Уставом как был, так и остается.

Пока рано говорить о том, как мир будет развиваться на уровне идей, хотя высказывается мнение о назревшей необходимости «неоклассического синтеза» идей 1960-х годов, то есть наследия периода до того, как Запад впал в политическое усреднение («царство тотальной серости»?) и безыдейность. Собственно, таким синтезом было западноевропейское социальное государство, которое стало итогом двух мировых войн и следствием императива «ответа на вызов Советского Союза», способом мирного

¹ <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/2019-god-problemy-i-vozmozhnosti>.

сосуществования между капитализмом и демократией (по Хабермасу). Но теперь оно разрушается экономическим неолиберализмом в форме рейганомии/тэтчеризма и Лиссабонской повестки дня Евросоюза. Странным образом в конце 2018 года реализовалось предсказание, что через 50 лет во Франции повторится 1968-й год. Похоже, вопросы развития будут решаться прежде всего в рамках каждой отдельно взятой страны как функция назревшего восстановления демократической подотчетности власти.

Проблемы развития остро заявили о себе во всех западных странах, отсылая в том числе к знаменитой максиме Дж.М. Кейнса: «Свободная торговля предполагает, что если вы лишаете людей работы на одном направлении, то вы их нанимаете на другом. Как только эта связь обрывается, рушится вся аргументация в пользу свободной торговли». В этом причины «революции Трампа». Америка через свою империю/глобализацию стала «обладаема» другими. Прибыли достались элите, а страна в целом оказалась брошенной — именно отсюда у среднего американца чувство, что его предали. Анализ части консервативной элиты показал, что в течение нескольких десятилетий США своими капиталами, технологиями и даже рынком работали на подъем Китая в наивной вере, что Пекин окажется покладистым партнером, который примет глобальное лидерство США.

Поэтому не стоит удивляться тому, что США сворачивают свой геополитический проект, как бы ни возражали западные элиты. При этом американцы будут по максимуму реализовывать еще имеющиеся преимущества своего доминирования в глобальном валютно-финансовом порядке. Главное неизвестное — ради чего будет «сожжен» привилегированный статус доллара. Вариант наиболее вероятный: такое переиздание *total commitment* (задействование всех наличных ресурсов для решения задачи экзистенциального порядка) образца холодной войны будет адресовано Китаю, но в вопросах перспективных, таких как будущее информационных технологий, включая средства «отрицания доступа к большим данным», и искусственный интеллект. Возможно, в дополнение к

попытке «пересдать карты» в текущих торгово-экономических вопросах посредством в том числе навязывания Пекину своего сланцевого газа.

В целом не-конфронтация, как не-война и не-мир (как тут не вспомнить Троцкого в Брест-Литовске!) и множество других не-событий и отсутствий, включая неучастие России в НАТО и отсутствие в Евroatлантике инклюзивной системы коллективной безопасности, возвращают нас к теме постмодерна. Что будет дальше? Поскольку все геополитическое наследие прошлой эпохи, включая элементы глобальной и региональных архитектур, стремится к нулю, вряд ли стоит надеяться на их «мягкую» трансформацию — обнуление всего, хотя и с разной степенью очевидности, неизбежно. Скорее всего, логика происходящего, которая прямо противостоит европейской светской культуре рационализма, заключается в том, что площадка для нового этапа исторического творчества должна быть расчищена — эмансипация или хаос, в конце концов, неважно как называть. Да и мир создавался из хаоса. Ясно одно: мир, 30 лет существовавший как отражение недавнего прошлого (прошлое тоже отбрасывает тень?), находится на грани того, чтобы обрести наконец свое настоящее время, а с ним и будущее.

Бродский писал о «конце прекрасной эпохи» в 1967 году. Тогда же вышла книга Жака Деррида «Голос и феномен» и одновременно стало ясно, что никаких косыгинских реформ не будет. Вспомним оригинал: *Belle époque* — период между Франко-прусской войной и Первой мировой, который был отмечен инерцией прощания с XVIII веком и еще большим уровнем глобализации. Пруст, как никто, убедителен в этой тоске и в том, что весь длинный XIX век был переходным к XX веку. То есть было время, которое надо было обретать, причем через войну. Другие предтечи постмодернистов — Дж. Джойс, Д. Г. Лоуренс, С. Беккет, Г. Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, К. Воннегут, Г. Гессе, С. Кубрик, Ф. Феллини, Л. Бунюэль и затем другие, включая Тарантино, — по-своему провидели нынешнее безвременье/межвременье. Пустота тогда (Чехов, Блок, Розанов и др.) — пустота и сейчас. Тогда в нее провалились «троны, классы, сословия, труд,

богатства». Что сейчас, когда прошло время войн и революций? Все в Евроатлантике находится в «состоянии грандиозной растерянности» и непонимания смысла происходящего, подтверждаемых утратой веры в улучшение на основе постхолодной войны. Остается только признать изношенность этого наследия, искусственно перенесенного из прежней эпохи, в том числе его промотанность попыткой западных элит вернуть капитализм во времена до 1929 года. Федор Лукьянов пишет, что «изжила себя старая система понятий»².

Россия, реальность которой отрицалась западной политикой сдерживания, именно утверждением подлинности своего существования — к сожалению, на путях создания потенциала проецирования силы и обеспечения устойчивости к силовому и финансово-экономическому давлению как наиболее убедительных аргументов в контексте политической культуры Запада, — приближала это преодоление гиперреальности Г. Аполлинера, или, проще говоря, сверку с реальностью. Опыт России показывает, что «есть жизнь после империи». Россия сама оказалась «обладаемой» в ближнем круге Советского Союза и дальнем — соцлагеря и подала пример роспуска/фрагментации империи.

Китай, если судить по рейтингу счастья/оптимизма (92 % опрошенных), уже во многом обрел свое настоящее и будущее. Сложнее обстоят дела с Европой. Россия продвинулась сама и помогла продвинуться западному обществу, вступившему в системный кризис. Своим военным строительством Россия отрицает милитаризм Запада, доказывая его несостоятельность как «большой стратегии». Поэтому для Европы немислимо размещение американских ракет средней и меньшей дальности в связи с выходом США из ДРСМД. Завершать процесс «посадки в реальность» после длительного сюрреалистичного бытия придется сообща. Прежде всего в силу культурно-цивилизационной общности, общей истории, необходимости совместно,

² <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vneshnyaya-politika-rossii-v-2018-godu-problem-bolshechem-uspekhov>.

коллективно разобраться с общим историческим наследием во всей его разъятости. Только в своей воссозданной и переосмысленной идентичности мы сможем выжить в качественно новой глобальной конкурентной среде.

Иван Крастев пишет о страхе западных элит перед тем, что «собственное общество начинает выглядеть не таким уж другим». «Почему у нас проблемы, как у русских?» — «вот настоящий страх»³. То есть мы имеем дело с очередной конвергенцией и надо переформулировать определение Другого, отказавшись от прежней мифологии и его демонизации.

Чего ждать от Америки Трампа? Сергей Шнуров в своем недавнем интервью журналу «Россия в глобальной политике» затронул вопрос, которым задаются многие: может ли Америка существовать иначе, кроме как мировой гегемон? Во-первых, это относится не ко всей Америке, а только к ее элитам. Во-вторых, есть джексоновская Америка, которую удовлетворяет «говорить слово миру» своим примером. Именно эту Америку представляет Трамп. Неоизоляционизм — это та терапия, которую подсказывает распространенный в США психоанализ. Прагматизм Кремля ни у кого не вызывает сомнений. У Америки своя давняя традиция прагматизма — в духе «Anything goes!» Пола Фейерабенда, что равно кошке Дэна. Тем более что от прагматизма один шаг до постмодерна с его множественностью/плюрализмом, фрагментарностью («распадение целостности на жемчуг фрагментов») и эклектичностью, на почве чего и можно преодолеть накопившиеся за 30 лет завалы в мировом развитии и мировой политике.

Что касается гонки вооружений, то в 2017 году произошло крупное сокращение наших расходов на оборону. У США далеко не те возможности в ней участвовать (несмотря на риторику Трампа), что были у Рейгана 35 лет назад: в долларах того времени, по мнению экспертов, к нынешним 700 млрд долл. недостает 500 млрд. плюс огромный госдолг (22 трлн., что превышает 100 % ВВП) и совокупный дефицит федерального бюджета и текущего счета

³ <https://globalaffairs.ru/number/My-bolshe-ne-mechtaem-o-buduschem-my-ego-skoree-boimsya-19829>.

платежного баланса порядка 6 % ВВП, или свыше 1 трлн долл., который требует в том числе внешнего финансирования и имеет тенденцию к росту (по данным «Файненшл таймс», в следующие 10 лет понадобится заимствовать 12 трлн долл.⁴). Оборонный бюджет Китая уже превышает по паритету покупательной способности американский за вычетом расходов на содержание личного состава.

Можно заключить, что никакая массированная гонка вооружений миру не грозит. Ее трехсторонний характер (поскольку США сделали выбор в пользу двойного сдерживания — России и Китая) будет служить дополнительной гарантией. Новая гонка вооружений, как уже можно судить по последним российским разработкам, будет сравнительно малозатратной и в формате «технологического маньеризма», предсказанного Бодрийяром еще в 1991 году на опыте Войны в Персидском заливе⁵. Кибербезопасность и искусственный интеллект, информационное противоборство и космос уже стали направлениями такого соревнования. Осталось только признать, что здесь нет сейчас и не может быть в принципе выигравших и проигравших, и договариваться о мерах контроля и сдержанности на взаимной основе придется в трехстороннем формате.

В чем проблема западных элит в постхолодную войну, а значит, и часть проблемы России и всего мира? Думали, что прошлое будет продолжаться, но уже без СССР. Не поняли, что опыт XX века и предыдущей истории поставил вопрос о тотальностях вообще, в какие бы одежды ни рядились эти идеологии. Даже благой либерализм мутирует в тотальность. Нацизм, когда коменданты концлагерей на досуге читали Гёте, поставил под вопрос всю европейскую культуру, или, лучше сказать, западную цивилизацию. Немцам как исполнителям этого сугубо западного проекта пришлось покаяться, но он был коллективным — просто вышел из-под контроля элит, позволивших себе эту импровизацию. Преодолевать последствия пришлось при решающей роли

⁴ *Tett G.* America faces a battle to find buyers for its bonds // The Financial Times. 2019. February 7.

⁵ *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было // М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 28

Советского Союза. У Шпенглера в «Закате Западного мира» пруссак с его социализмом, точнее, государством как средством реализации категорических императивов, должен был заступить на место мирового/западного гегемона, занятое англосаксом, но история распорядилась иначе. Причем дважды Россия в своих различных инкарнациях выступала на стороне англосаксов с их приматом личной свободы.

Из этого следует, что проблема глубже указанных различий, да и советский опыт использовал продукты европейской мысли, только другие. Постмодернизм ставит проблему шире: она в фашизоидном менталитете, корнящемся в антропоцентризме (человекобожестве, по Достоевскому) и метафизике присутствия. Фашизм предстает как гегельянство (апофеоз тотального модерна), взятое государством на вооружение. Отсюда деантропологизация и устранение субъекта через письменный язык/тексты, разъятие тотальности через деконструкцию. Поэтому корни не в Ницше, а во всей немецкой классической философии, восходящей (как и опыт англосаксов) к Реформации, которая, по меткому выражению Тютчева, выплеснула с водой ребенка. Первородство по части Реформации стало ключевым пунктом немецкого национализма.

С точки зрения постмодернизма, европроект в его нынешнем виде не имеет будущего. Как и Западный альянс, ЕС представляет собой тотальность, только на уровне международных отношений. Его может спасти либо выход на уровень еще большей тотальности/наднациональности, что не просматривается, либо «мягкий» демонтаж (деконструкция?), скажем, до общего рынка, что удержало бы/вернуло англичан. Постмодернистская альтернатива — уход в национальные квартиры (суверенизация как фрагментация) с их «ремонт», но с выборочным учетом наработанных европейских ценностей. Что будет потом, покажет история. Но сама жизнь доказывает, что наше время не терпит тотальности. Британцы поступили мудро, сохранив фунт как гарантию своей независимости. Если осмотреться из лютеранского севера с центром в Берлине, то может сложиться впечатление

осады на всех фронтах: англосаксы на западе (Брексит и поддерживающие его американцы), бунтующая Восточная Европа и страны Средиземноморской периферии, переваривающие опыт греков. Для всех, хотя и по разным причинам, бремя германского порядка вдруг, когда прошли «тучные времена», оказалось тяжелым. Даже немцы признают, что у них образовалась «случайная империя» в форме еврозоны⁶.

О российских корнях постмодернизма, помимо Достоевского, позволяет судить Тютчев, который предвидел, что Россия самим фактом своего существования будет отрицать будущее Запада, то есть его тотальность. Значит, неизбежна конвергенция, каких было немало в XX веке. Малоизвестный факт — участие России в сооружении Статуи Свободы в ознаменование отмены рабства в США и крепостного права в России (уральская медь и сбор средств под патронатом одного из великих князей). Все не так мрачно — надо только уметь ждать. О синтезе (добавим еще один его современный вариант — *fusion*) писал еще Достоевский, запуская свой «Дневник писателя». Кто знает, может, в этом и есть та тайна, которую нам оставил разгадывать Пушкин, о чем Достоевский говорил в своей Пушкинской речи незадолго до смерти: не случайно он особо остановился на «Маленьких трагедиях» — этом мини-Шекспире как ярком примере сопряжения русской культуры с лучшими традициями европейской. Тургенев, живя в Европе, мучился людской неприглядностью, как и его друг Г. Флобер, который, предваряя Дж. Джойса, писал: «Непоправимое варварство человечества наполняет меня черной тоской... Я затопил бы человечество под своей рвотой!»⁷. Собственно, этот пессимизм, доходящий до мизантропии, движет Дж. Джойсом, первым постмодернистом. Как и все отсылки к Гомеру, «Улисс» возвещает глубокий кризис европейской цивилизации. Сто лет его художественного осмысления и 50 лет теоретического не дают оснований для удивления по поводу всего происходившего после окончания холодной войны.

⁶ Цит. по: Zielonka J. Counter-Revolution. Liberal Europe in Retreat. Oxford University Press, 2018. P. 8.

⁷ Гроссман Л. Литературные портреты. М. : РИПОЛ классик, 2010. С. 262.

Постмодернизм отрицает, но отрицает то, что на протяжении двух веков отрицало идеалы Просвещения. Чем дальше от XVIII века, тем больше «варварства (добавим, освященного идеологией) в высокоцивилизованных условиях жизни». Пример дает контраст между Венским конгрессом и Версалем, между тем, как обошлись с побежденной Францией и с побежденной Германией, а после холодной войны Запад вообще считал ненужным какое бы то ни было формальное урегулирование с участием России.

Окончание холодной войны вскрыло универсальное значение Дж. Оруэлла с его организующим обществом корытом и новоязом, одними равнее других. Со временем под сомнением оказались любые «великие замыслы», «большие стратегии» и тому подобные упражнения в самовозвеличивании. В них продолжалось омертвление жизни (*living dead*). «Измельчал» не просто человек — леонтьевское «вторичное упрощение» выставило напоказ элиты. На этом фоне личность Трампа обретает чуть ли не масштабы Улисса. Империи еще поддерживали в сознании какую-то связь с XVIII веком и традиционным обществом, но когда они рухнули, героики уже XX века обеспечивали войны и революции и связанные с ними метанарративы, что достигалось ценой свободы. После 1989 года на повестке дня западных элит оказался вопрос о псевдогероике, которую и обеспечивала антироссийская политика (советская Целина, БАМ?), благо отчуждение России в связи с расширением НАТО было вполне предсказуемым.

Все псевдоимперское стало походило на комедию дель арте, но с кровавыми последствиями, включая войну в Ираке и терроризм, где «торжествующая глобализация столкнулась сама с собой»⁸. Этот диссонанс не мог не провоцировать постмодернистскую мысль. Нетрудно понять желание окончательно (хотя ничто не окончательно!) разрушить основание человеческой несвободы у самых ее истоков. Может случиться и так, что придет крамольное осознание того, что все их разъятия/расщепления

⁸ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 101.

подтверждают подлинное христианское понимание свободы, как его утверждал в своей «христоцентричной апологетике» Достоевский (по Роуэну Уильямсу, бывшему архиепископу Кентерберийскому⁹). Свобода в таком понимании никак не детерминирует человека, а детерминирует его все остальное.

Постмодернизм, безусловно, обречен на свое отрицание. Синтез — лишь догадка. А пока приходится ожидать комплексной развязки всего клубка разноплановых конфликтов и противоречий, накопившихся за столетия. Тут и тотальность/тоталитарность рынка, его хаос, в котором мы уже давно живем, отличный от предполагаемого многополярного, которым запугивают. И Питирим Сорокин, предсказавший крах потребительского социокультурного уклада по обе стороны идеологической конфронтации. Вопрос в том, как долго может поддерживаться виртуальная реальность не-кризиса в изношенной до дыр системе. Ни много ни мало подводится итог развитию европейской цивилизации за последние пять веков, что и служит решающим фактором проблемы непредсказуемости и резкого снижения управляемости мирового развития в наше время.

⁹ Уильямс Р. Достоевский. Язык, вера, повествование. М. : РОССПЭН, 2013. С.280.